

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	7
МАРФА ПЕШКОВА <i>Не только внучка</i>	11
ВЕРА ПРОХОРОВА <i>Жизнь по шкале Рихтера</i>	44
МАЛИК КАЮМОВ <i>Проклятие Тамерлана</i>	100
МАРИЭТТА ЧУДАКОВА <i>Женская гвардия Михаила Булгакова</i>	113
АЗАРИЙ ПЛИСЕЦКИЙ <i>Судьба и Майя</i>	132
АЛЕКСАНДР УШАКОВ <i>Шолоховский детектив и женщины Маяковского</i>	162
ЗОЯ БОГУСЛАВСКАЯ <i>Лучшая</i>	179
БОРИС РОЗЕНФЕЛЬД <i>Маэстро из Кисловодска</i>	204
ГАЛИНА АРБУЗОВА <i>Дочь любимой женщины</i>	240
ЗАВЕН САРГСЯН <i>В партии Параджанова</i>	287
ЕЛЕНА КЛИМОВА <i>Под сенью Марины Цветаевой</i>	308
ГАЛИНА СЕДОВА <i>Рядом с Пушкиным</i>	338

Вместо предисловия

Эта книга – моя коллекция. Коллекция встреч с людьми, которые создавали нашу историю, с теми, кого можно назвать соучастниками века.

Писал ее в свой юбилейный год. И хотя полвека – это совсем не повод для подведения итогов, тогда же подсчитал: мне довелось сделать более сотни интервью. Собеседниками становились знаменитости, многих из которых при жизни называли великими. Они были всегда на виду.

А в какой-то момент мне, наоборот, стало интересно встречаться с теми, кто не часто оказывается под прицелами камер и перед объективами фотоаппаратов. А иногда даже нарочно сторонится известности. Зоя Богуславская, например, как-то даже посетовала, что Вознесенский ее «засветил».

Коллекция «невеликих великих» собралась сама собой.

НЕВЕЛИКИЕ ВЕЛИКИЕ

Кого-то нашел в Кисловодске, кого-то обрел в Тарусе, а еще были Ереван, Тбилиси, Ташкент, Самарканд, Петербург, Москва.

Для меня мера величия моих новых героев – в их поступках.

Каждый из них совершил и продолжает совершать великие дела, иногда даже подвиги. При этом никогда не ставя цель, чтобы о них узнали.

Гений сказал: быть знаменитым некрасиво.

Позволю себе продолжить: а не рассказывать о великих поступках нечестно.

Я не строю иллюзии, что подарю этой книгой своим собеседникам какую-то невероятную славу. Да и не задаюсь такой целью, моим «невеликим великим» она не нужна.

Но очень хочется рассказать об этих людях. О тех «невеликих великих», без которых я был бы другим. И прожитые полвека иными.

Вот уже девять лет на экраны выходит документальный телевизионный сериал «Место гения». Там я рассказываю о тех, кто уже ушел. Узнать их судьбы мне помогали те, кто входил в ближний круг гениев, – члены семей, друзья, создатели и хранители музеев.

Я люблю музеи. Оказываясь в новом городе, новой стране, первым делом узнаю, какие здесь есть. И туда отправляюсь. Это тоже моя коллекция. Вспоминая о поездке, едва ли не первым делом думаю о мемориальных квартирах, которые меня поразили. И ради которых хочется вернуться и досмотреть, доизучать. Знакомство с людьми, которые эти самые музеи создавали, – важная часть моей коллекции встреч.

И музей этот не обязательно дом со стенами. Память может оживать в рассказах, воспоминаниях, передаваемых традициях... Думаю потом о своих

поездках и вспоминаю тех, кто вдохновил меня на создание фильмов, лекций и книг.

Петербург для меня – это набережная реки Мойки и дом 12, в котором жил и встретил вечность Пушкин.

Ереван – музей Сергея Параджанова.

Таруса – дома Паустовского и Цветаевых.

Кисловодск – не просто город солнца и здоровья, связанный с именами легенд, приезжавших на гастроли и отдых. Кисловодские особняки, уцелевшие благодаря моему собеседнику, такое же яркое одеяние города, как горы, источники и парки.

Переделкино – дачи поэтов и первого из шестидесятников, Андрея Вознесенского.

Ташкент – березы, высаженные во дворе своего дома оператором Маликом Каюмовым, принимавшим участие во вскрытии гробницы Тамерлана.

Москва – адреса героев «Мастера и Маргариты» и придумавшего их Михаила Булгакова.

Здесь же облицованный гранитом дом на Тверской, где когда-то жила Рахиль Мессерер, мама Майи Плисецкой. Здесь случилась моя встреча с их сыном и братом Азарием Плисецким, сохранившим память о семье и несущим традиции служения профессии.

А еще великолепный особняк работы Шехтеля, в котором жил великий писатель Горький. Меня ругают, зачем так часто использую этот эпитет. Я стал осторожней. И говоря про Горького, осознанно пишу «великий». Хотя великим, по-моему, бывает не только человек известный.

Один из самых ярких примеров человеческого величия – судьба Веры Прохоровой, которая вместила в себя не только десятки имен выдающихся предков,

НЕВЕЛИКИЕ ВЕЛИКИЕ

но и стала образцом высшей порядочности и даже мерилом интеллигентности.

Есть ли черта, объединяющая характеры моих героев? Думал об этом и готов ответить: скромность и настоящесть, невозможность поступить иначе.

Потому они и великие, хотя сами себя такими не считают.

Существует выражение: все люди знакомы через несколько рукопожатий. Если так, то, пожимая руки моим собеседникам, я знаком со столькими гениями и героями прошлого! Хотел бы своей новой книгой передать эту нить вам, ее читателям.

Мои «Невеликие великие» не получились бы без неоценимой помощи моего друга Василия Снеговского. Вместе мы совершили невероятное путешествие по адресам героев, открывая для себя и, казалось бы, знакомые судьбы, и географию.

И конечно, благодарю за поддержку Елену Шубину, поверившую в идею книги и ее воплощение. А также замечательного редактора Аллу Шлыкову за профессионализм и бережное отношение к замыслу.

МАРФА ПЕШКОВА

Не только внучка

Никогда не думал, что это со мной случится.

О том, что у Максима Горького есть внучка Марфа, я, конечно, знал. Да любой, кто переступал порог роскошного шехтелевского особняка на Малой Никитской, в народе известного как «Дом Горького», видел детскую фотографию возле кровати писателя. Служители музея поясняли: «Это Марфа, любимая внучка». Но ведь одно дело знать о ее существовании, и совсем другое – с ней повстречаться.

Зимой 2012 года в Москве состоялась презентация моей книги «Судьба красоты. Истории грузинских жен». Организаторы спросили, кого из гостей я хотел бы видеть на своем вечере. Я и ответил – Марфу Пешкову. К историям грузинских жен она имела самое прямое отношение – была замужем за Серго Берией, сыном сталинского наркома. Ее свекрови была посвящена одна из глав книги.

При этом, признаюсь, не был уверен в том, что Марфа Максимовна в эти дни в Москве, а если честно, вообще ни в чем не был уверен. Но через пару дней мне передали ее номер телефона. Оказалось, что Пешкова не очень хорошо себя чувствует, приехать на презентацию книги не может, но позвонить разрешила.

Когда внучка Горького услышала, что речь идет не о ее бабушке (видимо, интервью на тему великого предка уже порядочно успели утомить), а о Грузии и связанных с этой страной женских судьбах, ее голос изменился. Несколько минут Марфа Максимовна расспрашивала меня о книге, а потом неожиданно предложила: «Если у вас есть возможность, приезжайте в гости. Заодно и книгу покажете. Я у вас ее с удовольствием приобрету. Только учтите, я живу не в Москве».

На другой день я уже ехал по Рублевскому шоссе в сторону Николиной Горы. Марфа Максимовна объяснила, на какой маршрутке мне удобнее всего будет доехать от станции метро «Молодежная». Сказала, что сама всегда так до города добиралась.

Когда я садился в микроавтобус, хотелось каждому рассказать, к кому я направляюсь.

Встречала Марфа Максимовна в своей квартире в небольшом поселке, построенном в советские годы для работников местного санатория. Дедушкина дача в Горках-10 давно перешла обратно государству, теперь там закрытый дом отдыха для высокопоставленных чиновников. Взамен того дома семье дали другую дачу, в престижной сегодня Жуковке, все на том же Рублевском шоссе. Ее Марфа Максимовна продала и купила небольшую уютную квартирку в поселке в районе Николиной Горы. И квартиру в Испании. Рассказала, что хотела, конечно, вернуться в Италию, где она появилась на свет в 1925 году. Но цены на недви-

жимость в этой средиземноморской стране оказались на порядок выше. Остановилась на побережье в Испании.

Квартира в «Соснах» была двухкомнатной: спальня и кухня-гостиная. На спинке дивана была устроена своего рода выставка коллекции: фигурки осликов.

«Это – мой талисман, – улыбалась Марфа Максимовна. – Когда у мамы пропало грудное молоко, кто-то подсказал ей, что младенца можно кормить ослиным молоком. Как видите, это оказалось правдой».

На момент нашего знакомства Марфе Максимовне было далеко за восемьдесят. Ее возраст легко сосчитать, но не поверить в него. Хотя сама Марфа Пешкова на просьбу раскрыть секрет своей молодости отвечала, что ничего особенного нет, просто нужно во всем соблюдать меру. А восхищения своей красотой и вовсе встречала едва ли не с обидой: «Одна корреспондентка в прошлом году обманом записала со мной интервью, а потом еще и назвала в статье Марфой-красавицей. Это же издевательство! Что я, ничего про себя не понимаю, что ли!»

Зная отношение хозяйки дома к красивым словам, молчал. Зато друзья, несколько раз оказавшись вместе со мной у Пешковой, не выдерживали и обрушивали на Марфу Максимовну соловьиные трели восторга. А потом говорили мне: «Мы видели Историю».

Интересно, что бы они сказали, расскажи я им о том, что за три года до нашего знакомства у Пешковой была серьезная травма – перелом шейки бедра. Несколько лет она пыталась починить ногу в наших больницах. Но слышала от врачей лишь совет заглянуть в паспорт и радоваться возможности передвигаться хотя бы с палочкой. Тогда Марфа Максимовна обратилась к врачам испанским, и те сделали-таки операцию. «А как бы

я иначе могла отправиться на свадьбу своей внучки? – удивлялась моему очередному восторгу Пешкова. – Не с палочкой же!»

Я не запомнил, чтобы у Марфы Пешковой было плохое настроение. Лишь один раз из-за пробок на Рублевке я смог побыть у нее от силы пять минут, передал какие-то подарки и тут же вынужденно сбежал в Москву. На другой день она говорила со мной по телефону подчеркнуто сухо: «Я удивляюсь вашему нелюбопытству».

Каждый раз, поражаясь памяти моей собеседницы, не мог удержаться от вопроса, почему не пишет книгу воспоминаний. «Вот еще, – отмахивалась Марфа Максимовна. – Не знаю, сколько мне еще лет осталось. А я стану тратить их на то, чтобы корябать ручкой. Вот вам интересно, вы и пишете. Только печатайте уже после моей смерти».

О том, что время для публикации пришло, я узнал неожиданно. Придя в очередной раз на Новодевичье, где люблю бывать, привычным маршрутом дошел до памятника сыну Горького.

В свое время Марфа Максимовна сказала, что точно знает, где будет похоронена – рядом с папой.

На протяжении почти десяти лет, что мы встречались, я докладывал ей: был на Новодевичьем, заходил к папе и маме, все убрано, все в порядке.

Потом мне пришлось надолго уехать из Москвы, с Марфой Максимовной мы изредка перезванивались.

Общие знакомые рассказывали, что ее по-прежнему видят в санатории «Сосны» по соседству с ее домом. Ей нравилось ходить туда обедать.

Поначалу я поражался жажде жизни Марфы Пешковой. А потом, наоборот, удивлялся, когда кто-то принимался с восторгом рассказывать: она ушла на про-

гулку за несколько километров от дома и потом вызвала такси, чтобы вернуться. Мне это казалось совершенно обычным делом.

А потом все закончилось.

Зимой 2021 года на «пешковском» участке Новодевичьего появилась новая мраморная плита.

«Марфа Пешкова. 1925–2021».

Достойная жизнь оказалась.

Теперь могу о ней рассказать.

ДЕТСТВО

– Марфа Максимовна, откуда у вас такое необычное имя?

– Это дедушка придумал. Мама назвала меня при рождении Марией. А дедушка, когда крестили, предложил: «Давайте русским настоящим именем».

Так и поступили. Митрополит на крестины приезжал, дедушка приглашал. А потом уже и мою сестру Дарьей назвали. Непривычные имена, особенно раньше. Какие-то мои знакомые даже стеснялись меня так называть и звали «Мара». Мол, как можно такое деревенское имя вслух произносить. Еще бы Феклой назвали.

– Какие ваши первые воспоминания?

– Я себя помню с итальянского возраста, то есть с нашей жизни в Италии. Очень хорошо помню. Мы с Дарьей говорили больше по-немецки, у нас нянечка была из Швейцарии, из пансиона, где специально нянь готовили для маленьких детей. И мои родители оттуда выписали. Так что мой первый язык был не-

мецкий. Напротив нашего дома находился отель «Минерва». Там две девочки жили, нашего возраста, и мы с ними дружили. Старшая, Эльза, моя ровесница, а Ада – ровесница моей сестры. У них мать была датчанка, а отец итальянец. У них тоже няня немка была. В итоге по-немецки говорили свободно.

С родителями, конечно, по-русски говорили. Но мы не очень много общались тогда. У них была своя жизнь.

Итальянский язык я тоже знала, но практики было мало. Когда в Советский Союз приехали, то меня целый год готовили к школе, я пошла уже во второй класс.

– Как началась жизнь вашей семьи в Москве?

– Когда Сталин уговорил бабушку с семьей вернуться из Италии, в Москве стали искать жилье для Горького. Была идея предоставить квартиру возле Белорусского вокзала. Но в итоге остановились на особняке Рябушинского на Малой Никитской.

То, что в Москве Тверскую переименовали в улицу Горького, бабушке очень не нравилось. Он свирепел, когда при нем называли эту улицу и хотели таким образом сделать ему приятное. Мама уже предупреждала, когда приезжали гости: «Ради бога, только не говорите, что Тверскую переименовали».

Бабушка вообще считал, что ничего нельзя переименовывать, каждая улица имеет свою историю. Пожалуйста, новую улицу стройте в новом районе и тогда называйте как хотите.

И у меня никакого трепета сознание, что я хожу в школу по улице Горького, не вызывало. Мы же были Пешковы, не Горькие, так что улица или Центральный парк культуры и отдыха с бабушкой не ассоциировались.

– Ваше детство меньше всего походило на жизнь простых детей. Не шутка занимать целый дом!

– В особняке на Никитской я жила до самого замужества. Мне всегда было неудобно перед другими ребятами в школе, неловко кого-то пригласить домой. Я и не приглашала.

В школе у меня была приятельница Нина Цыплакова. Самая красивая девочка всей школы, я считаю. Мы вместе с ней обычно шли из школы, и ровно на полпути она со мной прощалась и шла к себе. Как-то мне нужно было ей что-то передать или какая-то другая необходимость к ней зайти возникла, уже не помню. И я отправилась, адрес-то ее знала. Я подошла к ее дому, она открыла дверь, а сама, вижу, не хочет, чтобы я вместе с ней входила. Но делать нечего. Мы вошли, я приготовилась подниматься по лестнице. Но вижу – она идет в подвал. Обернулась, посмотрела на меня: «Видишь, как я живу?» Мы оказались в глубоком-глубоком подвале с единственной комнатой, где и плита стояла, и жили они там втроем – родители и она. Из окна была видна лишь обувь прохожих. Даже не окно это было, а щель. О том, что так люди могут жить, я даже не предполагала. Отец у нее был громадного роста, красивый мужчина. Мама шла постоянно, так зарабатывала.

Нине всегда говорили о том, какая она красивая и что ее место только на сцене. Она поступила в ГИТИС, но актрисы из нее не получилось. Не ее это было. А финал жизни и вовсе страшный оказался: она потеряла рассудок.

За одной партой со мной одно время сидела Вера Воронина. Тоже из очень бедной семьи. Тогда ведь в школу по месту жительства брали, так она и оказа-

лась в нашем классе. Тогда было принято что-нибудь приносить с собой на завтрак. В столовой нам только чай давали. И я заметила, что она скрывает то, что приносит. Присмотрелась – а это простой кусок хлеба. Тогда я дома стала брать два бутерброда и один всегда ей в парту подкладывала. Такой у нас с ней секрет был.

А когда я только поступила в школу, то сидела за одной партой со Светой Сталиной. Мы уже знакомы были, и я сразу села к ней.

Я ведь не видела в своей жизни такого количества детей. Мы изолированно достаточно жили в Италии.

– А что из себя представляли Горки-10, которые Сталин подарил Горькому?

– В Горках мы жили до того, как мне пойти в школу. Там в округе было много детей. С соседнего конезавода детишки перелезали к нам через забор, и мы так с ними хулиганили, ого-го.

Охраны серьезной тогда не было. Ворота стояли. И кто-то проверял, когда гости приезжали. Но парк-то огромный, мост через овраг. А дальше лес. И ребята вылезали в том месте, где лес, и потом мы встречались в условленном месте. Верхом на лошадях каждое лето скакали. Дружили по-настоящему: и мы всех знали, и они нас. Конюхи были счастливы и довольны, что мы на лошадях скакали. Те ведь не должны были все время стоять. И тут как раз появились девочки. Мы с Дарьей.

Горки-10 принадлежали до революции Морозову. Только не Савве, а его двоюродному брату. Дача была стандартная, русский ампир, как и Горки Ленинские. Какая мебель была! С бирочками стояла. У Берии, в чей дом я переехала после того, как вышла замуж за его сына, кстати, в доме тоже своих вещей не было. Все государственное.

Когда мы первый раз переступили порог особняка Рябушинского в Москве, особых восторгов не было. В Италии мне больше нравилось. Всю жизнь прожив здесь, я думала только об Италии. Там было весело, свободно. Мои все были счастливы. Я помню только улыбки. Не помню дедушку мрачным. Он как-то сказал: «Всегда говорить только умное – это настоящая глупость».

ГОРЬКИЙ

– Каким дедушкой был Горький?

– Мы утром должны были звать его к завтраку, бежали к нему, он сидел у письменного стола – газеты читал или письма писал до завтрака, такой у него был распорядок.

Мы его звали просто – дедушка. Еще у него было прозвище Дука – от итальянского слова «герцог». Так его называли еще в Петрограде, когда он жил на Кронверкском проспекте. Называли Дука ди Кронверко. И в Сорренто продолжали так называть.

У нас все обитатели дома получали какие-то прозвища. Дедушкиного секретаря Петра Петровича Крючкова называли ПеПеКрю. Его жену Елизавету Захаровну из-за острого языка называли Цеце, как муху, – она тоже так могла укусить. И так ей это прозвище подошло, что уже и посторонние ее так стали звать. Художника Ивана Ракицкого называли Соловьем. Марию Федоровну Андрееву – Комиссар МФА, она ведь в Петрограде была комиссаром театров и зрелищ. У художницы Валентины Ходасевич, сестры знаменитого поэта, было прозвище Купчиха.

У папы разные были прозвища. Максимом его называли в честь отца дедушки. Дедушка очень любил его, тот рано погиб с братом дедушки. Часто вспоминал их.

В Италии все время были улыбки. А здесь все сразу стало иначе. Что вы! Первое, что я спросила маму, когда мы только приехали в Москву и с вокзала ехали: «Почему здесь все в черном?» Стояла осень, как-то пасмурно было. А в Италии ведь всегда светло, ярко. И второе меня поразило, когда мы приехали в Горки-10, дедушка там находился уже. Нас масса народа встречала. Стояли группами и между собой шепотом переговаривались. Для меня это было странным. Секрет, что ли, какой-то говорили? Я спросила у мамы, почему так тихо здесь говорят. Мама попыталась объяснить, что дедушка, может быть, занят и ему просто не хотят мешать.

Это, конечно, все было не в пользу Москвы. Как в Италии было шумно, свободно. Молодые же все были. И чувствовали себя вольно.

– На особняке на Никитской висит мемориальная доска: «Здесь состоялась встреча Горького с Роменом Ролланом». А вы его видели?

– Мы в это время были за городом, каникулы начались. Фактически в особняке дедушка только встретил Роллана, и они сразу уехали в Горки. Гости поселили в нашей половине, детской, а наши вещи собрали и вынесли. Нас с Дарьей внизу поселили, на первом этаже, в гостевой. Мы очень невзлюбили Роллана из-за этого. Старичок какой-то приехал. А потом он еще дразнил, что кошку нашу в Париж увезет. И мы ее прятали в чуланчик. У него была русская жена, переводила ему.

Я полюбила Роллана, уже когда прочла его произведения. Он уехал, и кто-то, кажется даже Липочка,